

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

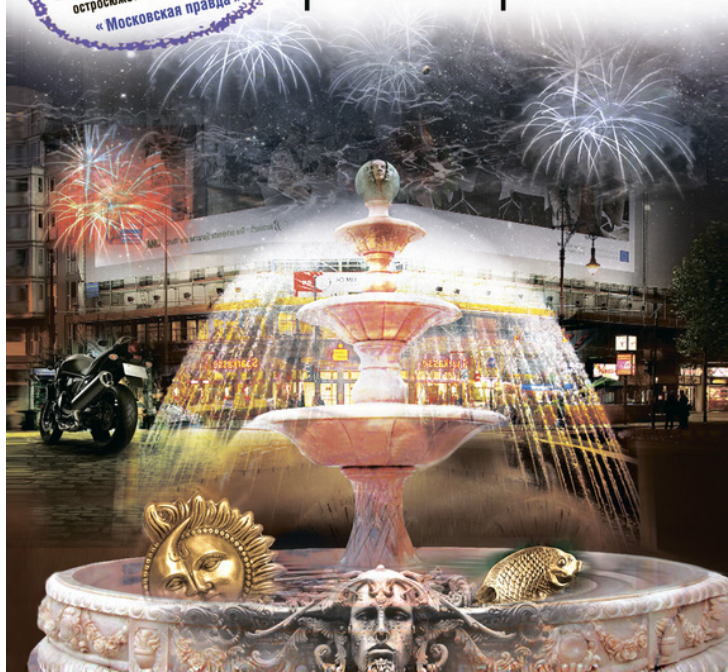
« Анна и Сергей Литвиновы заслуженно пользуются популярностью у миллионов читателей. В их творчестве органично сочетаются увлекательность и глубина, остротность и психологизм. «Московская правда»

**ЗОЛОТОЙ
ПЕСОК
ВРЕМЕНИ**

ISBN 978-5-699-66529-7

9 785699 665297 >

Анна и Сергей Литвиновы

Золотой песок

времени (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6419483

Золотой песок времени: сборник рассказов / Анна и Сергей Литвиновы:

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66529-7

Аннотация

Корифеи криминального жанра Анна и Сергей Литвиновы представляют новый сборник детективных рассказов, который непременно порадует как поклонников их творчества, так и новых читателей! Каждая история захватит оригинальной интригой, очарует красотой стиля и поразит уникальным сочетанием мужской и женской логики. Остросюжетные истории Анны и Сергея Литвиновых – жемчужины в море детектива!

Содержание

Готова на все. Любовь не предлагать	5
Жертва рекламы	37
Ласковое солнце, нежный бриз	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна и Сергей Литвиновы

Золотой песок

времени (сборник)

© Литвинова А. В., Литвинов С. В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Готова на все. Любовь не предлагать

Погибать лучше поздней осенью – если за окном беспросветный дождь, не так обидно. Но катастрофа у Лены случилась летом, когда офисный люд перебирается на бизнес-ланчи в уличные кафе и дружно обсуждает грядущие отпуска. А у нее жизнь кончена. Не в прямом смысле, не физически – но если погибает дело всей твоей жизни, еще тяжелее. А противно-вежливые банкиры сказали ясней некуда: все отсрочки исчерпаны, она – банкрот.

...Лена работала в риелторском бизнесе. Когда-то, очень давно, сама бегала агентом, толкалась, по поручению старших товарищей, в бесконечных очередях ЖЭКов и БТИ. Но всегда грела мысль: подчиненное положение не навсегда. И когда-нибудь, пусть лет через десять, она обязательно откроет собственную фирму.

Так и случилось. С единственной поправкой: просуществовало ее агентство недвижимости всего год. А теперь она разорена.

И все из-за единственной несчастливой квартиры! Чего стоило просто поручить эту коммуналку кому-нибудь из сотрудников! Но Лена отправилась лично: осмотреть жилье и оценить перспективы. И – пропала. Едва вошла в неухожен-

ный, старый двор, взгляд сразу выхватил строгие линии бывшего доходного дома, сень старых лип и фонтан – подумать только, настоящий, пусть и обшарпанный фонтан посередине детской площадки!

С первого взгляда влюбилась: в здание, обветшалое, облупленное, но словно впитавшее в себя всю мудрость мира. Так влюбляются в мужчин – ярких, но тяжело пьющих.

Лена осматривала жилье и представляла, как комната с эркером (владельцы – алкоголик Петров в равных долях с таким же пьянчугой сыном) обращается в гостиную. А в просторном помещении с прекрасной лепниной на потолке – подумать только, девятнадцатый век! – конечно же, нужно устроить спальню. Договориться бы только с хозяйкой – та требовала за свои двадцать метров в коммуналке «двушку», да еще и в пределах Третьего транспортного кольца. А кухня, какая здесь была кухня! С камином – туда неразумные коммунальные жильцы сваливали всяческий мусор. С огромным, от пола до потолка, окном – правда, мыли его в последний раз, кажется, еще при социализме... И Лена просто *видела* – будто собственными глазами! – как в этой квартире живет счастливая, любящая, солнечная семья. В кухне – обязательно пахнет пирогами, а в детской (еще одна комната, в которой пока что проживала желчная отставная учительница) звенят колокольчиками голоса малышни...

Вот и решила пойти на риск.

Расселила (явно себе в убыток!) склочных рвачей-жиль-

цов. Но, вместо того чтобы немедленно выставить квартиру на продажу, затеяла в ней ремонт. И не абы какой, не силами гастарбайтеров – но с дизайном, достойной отделкой, и даже мебель сама выбирала. Хотела своими руками, своей душой создать нечто необычное. То, что считала уникальным торговым предложением. Современный комфорт – но не в бездушной новостройке, а в доме с историей.

Имелось у нее огромное искушение – оставить чудесное старомосковское жилье за собой. Самой просыпаться здесь, вдыхать чуть терпкий аромат дома, здороваться с ним – он ведь живой! И видеть в окно не унылые окна панельных многоэтажек, а старенький, но упорно работающий фонтан.

Но то был не просто риск, а натуральное безумие. Елена (хотя и владела агентством недвижимости) до уровня тихого центра явно пока не доросла. Другое дело – продать квартиру-мечту за хорошие деньги тому, кто может ее себе позволить.

Однако покупатель на бывшую коммуналку не находился никак. Оказалось, что лепнину, эркеры и прочие приметы старины давно уже воспроизводят в домах-новоделах. А пресловутая атмосфера старого московского двора – для богатых людей пустой звук. Квартиру смотрели, конечно. Но сразу начинали пенять: и дом давно без капитального ремонта, и соседи – народ чуждого круга, «да и фонтан еще этот убогий во дворе, лучше бы парковку построили».

И никому не было дела, что квартира – ее последний

шанс. И никого не интересовало, что ради бизнеса она пошла на все. Даже предала единственного человека, которого любила.

Ох, Димка, Димка... Все десять лет, что прошли с момента их расставания, Елена уговаривала себя: он ей совсем не подходит. Ветреный, ненадежный, неперспективный. Вместе с таким хорошо чудить, пока сама молода. Выскочить без плаща и без зонта под летний дождь. Промчаться босиком по лужам, а потом согреться глинтвейном в разгар рабочего дня... Но стариться нужно под руку со стабильным, даже занудным.

Беда одна: стариться она уже начала. Любой косметолог скажет, что после тридцати наступает неумолимое увядание. А достойной пары себе так и не нашла. Да и бизнес дышал на ладан.

...На столе ее кабинета (когда ее отсюда погонят? Через неделю? Через месяц?) звякнул интерком.

– Елена Сергеевна, – возбужденно произнесла секретарша, – тут по Чистым прудам звонят!

Она встрепенулась:

– Кто?

– Мужик. Похоже, богатый! – с придыханием прошептала девушка.

Ага, богатый! Жди!

Лену всегда умиляло, как молодые девчонки (такие же, как она сама десять лет назад!) представляют себе олигар-

хов. Если человек обеспеченный, то обязательно костюм от «Бриони», ну, и, естественно, безупречно вежлив и чертовски галантен. И откуда, интересно, взялся сей миф? Те, кто спокойно выкладывают за квартиру миллионов эдак пять долларов, на просмотры, как правило, в джинсах являются. И галантность, и прочие свойственные сказочным принцам качества – тоже полная чушь. Если человек состоятельный, он дико самоуверен. И давно привык, что все вежливы с ним и мгновенно кидаются исполнять любое его желание. А ему, покровителю и благодетелю, на прочих двуногих глубоко наплевать. У Елены даже тест был: если покупатель обращался к ней на «ты», а то и грубил, значит, деньги у него точно имелись. А утонченные-вежливые всегда оказывались непризнанными гениями, способными купить максимум «однушку» в Балашихе, да и то с ипотекой.

...И у этого – голос слишком уж медовый. Вопросы тоже задает не хлесткие, а будто манную кашу размазывает по столу. Нет бы метраж уточнить или с места в карьер потребовать скидку. Начал по поводу фонтана расспрашивать, да что имеется в виду под выражением из рекламы «квартира с атмосферой». К тому же встречу назначал словами, какие миллионеру и в голову не придут: «Удобно вам сегодня около шести?»

Успешные люди так не говорят. Они заявляют: «Я буду на объекте в восемнадцать ноль-ноль».

– Вы поняли, сколько стоит жилье? – поинтересовалась

Елена.

Не очень, конечно, вежливо, зато необходимо. Потому что интеллигенты вечно в ноликах путаются. Прочитают вместо двух миллионов – двести тысяч. И серьезно считают, что жилье на Чистых прудах может стоить не дороже «двушки» в Отрадном.

– Мне встречались квартиры и дороже, – задумчиво произнес потенциальный клиент.

Она решила зайти с другой стороны:

– А вы покупать собрались – или просто так, любопытствуете?

– Позвольте, я сначала посмотрю – что за такую волшебную квартиру вы создали? – усмехнулся мужчина.

– Да, конечно, – вздохнула Елена.

И пусть интуиция подсказывала: без толку она провозится с этим интеллигентом, – показать ему злосчастное жилье решила сама. В ее отчаянном положении за любой крошечный шанс хвататься нужно.

* * *

Покупатель (звали его Леонидом Юрьевичем) оказался хорош собой и умеренно молод. На встречу явился вовремя, на рукопожатие не ответил – склонился к ее руке в поцелуе. Одет был дорого, и сидели на нем одежды *уверенно* — осязаемый плюс. Приехал на «Лексусе» – что тоже внушало до-

верие. Но, главное: он вошел... заглянул в гостиную... улыбнулся солнечным краскам детской... задержался у камина на кухне... а потом уверенно произнес:

– Я понял, для кого вы ее построили.

– И для кого же? – улыбнулась она.

А мужчина рубанул:

– Для себя, естественно!

– Ну, тут вы ошибаетесь, – пожала плечами Елена. – Мне такая большая квартира не нужна.

И хотела сказать ему еще что-то очень разумное, очень по делу... Но у нее вдруг вырвалось – затаенное, против воли:

– А представляете, как здесь детям хорошо будет! Коридор огромный, носись, сколько хочешь, а в чулане можно книжки читать, с фонариком!

Леонид озадаченно взглянул на нее:

– А зачем в чулане?

– Чтоб было страшнее, – улыбнулась она. – Я сама в детстве в укромные уголки забиралась. И читала «Остров сокровищ», как слепой Пью приносит Билли Бонсу черную метку...

Леонид с интересом взглянул на нее. Усмехнулся. Произнес:

– Да, Елена Сергеевна. Вы интересный человек.

И плеча коснулся. Уверенно, но нежно.

Запал, что ли, на нее? Приставать сейчас начнет? Да пусть! Что угодно, она готова на все – лишь бы купил!

– Хотите посмотреть документы на квартиру? – с надеждой произнесла девушка.

Однако мужчина лишь покачал головой:

– Не так сразу, Елена Сергеевна. Но спасибо, что уделите мне время.

* * *

Пусть и стыдно в тридцать лет фантазировать, но Лена все же не удержалась. По пути домой, в душевной летней пробке, представляла, как сейчас зазвонит мобильник, она снимет трубку – Леонид, и он скажет: «Я решил. Квартиру беру». А дома, когда раскинулась на диване, еще дальше пошла. Все поглядывала на телефон и представляла: Лёня. Но звонит не просто насчет квартиры – а приглашает в ресторан. И за бокалом холодного шабли говорит, что всю жизнь мечтал познакомиться с такой, как она. С девушкой, умеющей создавать атмосферу...

Ночью же совсем позор: приснилось, будто пьют они чай на кухне той самой квартиры, на Чистых прудах. Она – в кокетливом халатике, Леонид – в потертых домашних джинсах. А в светлой детской – веселятся-хохочут их дети. Вот наваждение! Солидная, зрелая женщина – и столь несерьезные сны! Было бы простительно, если б Леонид обворожил, опьянил. Зародил зернышко вожделения. Но ничего ведь подобного! Как мужчина совсем и не понравился. Только как

потенциальный покупатель. Хотя разум, конечно, подсказывал: чтоб заставить купить квартиру, отдайся ему, что угодно сделай...

Впрочем, собственное тело надо было пускать в ход раньше – десять лет назад, когда только начинала мечтать о бизнесе. Давно бы уже миллионершей стала! А сейчас поздно уже.

* * *

Следующий день прошел неудачно, бесцветно. Лена провела пару показов – все без толку, покупатели даже подумать не обещали, просто сухо прощались. Звонили из банка и снова пугали очередными карами. И уже совсем к вечеру позвонил Леонид.

– Что вы решили? – как могла беспечно, поинтересовалась Елена.

– С квартирой – пока ничего, – махом отрубил тот. И требовательно добавил: – Хотите вместе поужинать?

– Я...

Мужчина перебил:

– Буду ждать вас в девять вечера в «Барвиха-плаза».

«Другой конец города и вообще – край света! К тому же пятница, на дорогах сплошные дачники. И одета я не на выход! И...»

– Да, я буду, – твердо откликнулась Елена.

Если есть хоть какой-то шанс избавиться от квартиры-мечты, она просто обязана его использовать.

* * *

«Нет, он все-таки олигарх! – возмущенно думала Лена, возвращаясь домой. – Самый настоящий. Невоспитанный. Надутый. Самовлюбленный!..»

Что за пытку ей уготовил Лёня! Весь вечер беспечно болтал. Естественно, о любимом себе. Рассказывал, как охотился на волков с вертолета, ездил на трекинг в Непале... Про злосчастную квартиру – ни слова. И приставать тоже не попытался. Держался ровно, дружелюбно. Но так проводят время с любой симпатичной, неглупой и отчасти состоявшейся девушкой... Короче, никакого толку от него. Только время зря потеряла и, ха-ха, поела бесплатно...

Минула полночь, из окрестного леса сладко тянуло сыростью. Вызывающе сверкали огнями роскошные особняки, желтыми магнитиками подмигивали оконца редких шестисоточных дачек. А Елена грустно думала: наверно, в домах горит свет, потому что кого-то там ждут. Волнуются, греют к приходу чай. И только в ее квартире безнадежно темно. И Лёня (пусть и совершенно ей неинтересный) даже не предложил ее проводить...

И опять вспомнился Димка. Безнадежный. Бесперспективный. Бешабашный. Которого она когда-то предала...

Вычеркнула из своей жизни – яркой, шумной и красочной ночью...

* * *

Все прекрасно знали: двухтысячный год – не первый год нового века, а всего лишь последний – предыдущего. Но каждый считал своим долгом встретить его по-особенному!.. Лене тоже очень хотелось – не салата «Оливье» и Ельцина по телевизору, а чего-то необычного, волшебного, вдохновляющего. Только что они с Димкой могли тогда себе позволить? Оба – студенты: она – экономического, он – строительно-го... А цены на заграничные поездки под занавес тысячелетия взлетели до небес, рестораны, под предлогом «уникальной шоу-программы», просили за новогодний ужин несусветных денег, и даже подмосковные дома отдыха вдруг, на пару-тройку новогодних дней, обратились в пятизвездочные отели... Димка, правда, попробовал со сторожем в бассейне договориться, чтобы тот пустил их с Леной поплавать – в новогоднюю ночь, только вдвоем. Но в последний момент сорвалось: бассейн официальным порядком сняла удалая компания.

А Лена упрямо произнесла:

– Все равно. Сидеть дома и строгать «Оливье» я не буду. Даже не надейся.

И тогда Димка придумал: зимний лес. Глухой, заснежен-

ный, сказочный. Яркий, как в «Двенадцати месяцах», костер. Шашлык. Бой курантов из динамиков магнитофона...

И пусть они, пока ехали в лес, пару раз завязли в огромных сугробах. А потом еще костер никак не хотел разгораться. И угли получились хилые, шашлык, естественно, не пропекся. Ноги сразу же замерзли... Все равно было весело, беспечно, красиво. Правда, боя курантов в холодном лесу Лена с кавалером не дождалась: погрузили в машину остатки трапезы и помчались, прокопченные и чумазые от костра, на Красную площадь. Димку, за пять минут до полуночи, остановил гаишник и, конечно, унюхал, что от того попахивает спиртным. Но диких штрафов за пьянку тогда еще не ввели, да и люди (даже гаишники) были добрее. К тому же Новый год на носу! Всего-то пятисоткой удалось откупиться. Да и Лена очаровывала блюстителя порядка, как могла. Презентовала милиционеру резервную бутылку шампанского, что оставляли на Красную площадь... А в обмен попросила, чтоб он отдал ей, на время боя курантов, милицейский свисток. Так и проводили тысячелетие. Под крики «ура», хохот прохожих и отчаянный Ленкин свист.

А потом, уже часам к двум ночи, веселье сошло на нет. Девушка почувствовала, насколько она устала. Ноги совсем заledenели, есть захотелось. Да еще, как назло, из сияющего всеми огнями «Балчуга» на улицу высыпали дамы в меховых накидках поверх вечерних платьев, с изящными бокалами в холеных ручках...

– Димка, пойдём тоже шампанского там выпьем, – попросила Лена.

– А на какие шиши? – жизнерадостно откликнулся тот. – Последние деньги гаишнику отдали!

И в нее вдруг словно бес какой вселился. Заговорил едким, надменным голосом:

– Ну, вот. Чего я и боялась. Телевизор. Тоска. «Оливье»...

– Леночка, да ладно! – взмолился Димусик. – Разве в лесу плохо было?.. И на Красной площади – тоже! Будешь всем теперь рассказывать, как свистела под бой курантов!..

А в «Балчуге» тем временем начался свой собственный, эффектный фейерверк. Из светлого холла пахнуло ароматным кофе и свежей выпечкой... И Лена вдруг отчетливо поняла: Димка – он классный, конечно. Но только никогда он ей не обеспечит ни мехов, ни лимузинов, ни просто нормального уровня жизни. Они оба поседеют, но по-прежнему будут наслаждаться романтикой зимнего леса и пить шампанское на холодном ветру. И проводить выходные станут даже не на даче (участки-то огромных денег стоят!), а, дай бог, в каком-нибудь захудалом пансионате...

Она, конечно, не стала ссориться с Димкой, пока кругом праздник. Но для себя твердо решила: скоро начинается новый век. И в нем она просто обязана добиться успеха... А Димка... Что Димка? Тот, видно, навсегда и останется как маленькая собачка, до старости щенков. Вот пусть и порхает по жизни – без нее.

Леонид позвонил ей на следующий день в девять утра. Неприлично рано, особенно для субботы. Извиняться, что разбудил, не стал. Деловито произнес:

– Через час у моего офиса. Жду.

«Езды туда – минут сорок пять. Вымыть голову – одеться – накраситься-собраться за четверть часа – полный экстрим. Но когда на кону такая сделка...»

И Лена осторожно произнесла:

– А что мы будем делать... в вашем офисе?

Он понял ее невысказанный вопрос. Хохотнул:

– Нет-нет, насчет квартиры я еще пока не решил. Я вас просто за город приглашаю. На уик-энд.

И тут она взорвалась:

– С какой стати? У меня на выходные свои планы!

Однако злобредный богач парировал:

– Что ж. Как угодно. Но другого шанса уговорить меня уже не будет!

Просто издевается над ней. И как сейчас было бы эффективно: просто его послать!.. Но только когда тебя не сегодня-завтра из бизнеса выкинут, выбирать не приходится.

И Лена покорно произнесла:

– Хорошо. Я буду.

– Тогда не опаздывайте, – весело напутствовал Леонид. И

добавил: – Да, и имейте в виду. Форма одежды – походная.

Значит, даже не в Ниццу на выходные зовет – куда-то в подмосковные леса. Но что остается делать?..

...Когда Лена пересела в Лёнин вызывающе-красный спортивный автомобиль, все же не удержалась, спросила:

– Вам что, уик-энд провести не с кем?

Думала смутить, но мужчина лишь усмехнулся:

– Как вы догадались?

– Можно подумать, в Москве других девушек нет, – хмуро произнесла она.

– Но вы-то стараться больше всех будете! – подмигнул злодей.

– Чёрта с два! – не выдержала Елена. И потребовала: – Остановите. Я выйду.

Однако мужчина лишь прибавил газу. И небрежно бросил:

– Не горячитесь, Елена Сергеевна. Я вам нужен, вы сами прекрасно знаете.

– Только спать с вами я не буду все равно, – твердо заявила она.

Но мучитель лишь хохотнул:

– А разве я предлагал? Нет, испытание я приготовил суровее!..

Что ее ждало впереди, Лена не знала, но пока что выглядело безопасно и даже мило. Леонид привез ее в симпатичную загородную гостиницу. Поселил в двухкомнатном люксе (ему самому, впрочем, вручили ключи от пентхауса). Выглядел номер, особенно по контрасту с городской пылью и духотой, просто чудесно: холодные цвета отделки, ледяное шампанское в ведерке со льдом, могучие лапы сосен за окном. «Все-таки он меня соблазняет, – мелькнуло у Елены. – Но зачем? Подумаешь, суперприз! Не блондинка, не красotka, не малолетка... Или у него хобби – укладывать в постель именно взрослых, уверенных в себе и чего-то достигших?..»

А на секс, наверно, можно и согласиться. Ведь давно уже нет иллюзий, как в шестнадцать, – что даже поцелуй только по любви. И от самонадеянности – *никогда я не буду делать карьеру собственным телом!* – тоже уже ничего не осталось... Только бы гарантии получить, что все жертвы окажутся не зря.

...Однако Леонид постельных утех по-прежнему не требовал. И, когда они встретились в холле гостиницы, неожиданно спросил:

– Со здоровьем у вас все в порядке?

– Что вы имеете в виду? – зарделась она.

– О, всего лишь, нет ли у вас повышенного давления, –

подленько усмехнулся тот.

– Мы что, собираемся лететь в космос?

– Нет, – покачал головой мужчина. И серьезно добавил: – Даже до стратосферы не доберемся. Какие-то четыре тысячи метров.

И тут Лена наконец поняла. Озадаченно пробормотала:

– Вы что, меня с парашютом привезли прыгать?..

– Да! – радостно откликнулся Леонид. И многообещающе добавил: – А когда приземлимся... если все, конечно, пройдет благополучно... тогда и о нашем с вами бизнесе поговорим.

* * *

Парашюты Елене, к счастью, были не в диковинку. Уже прыгала прежде – с тем же Димкой, будь он неладен. Тот – истинный мотылек! – обожал риск, полет, опалить крылышки. И когда обоим оставался год до окончания институтов, прыжками заболел отчаянно. И ее втянул: «Ленок, такой класс! Представляешь, под тобой – все небо! И ты в нем хозяйка!..»

Класс, конечно, Лена не спорила. И сами прыжки ей нравились. Но вот все, что тому сопутствовало... Жили они на спортивном аэродромчике, в холодной казарме. Питаться приходилось в столовке. Мыться – под ледяным душем. Времени уходило дай бог. Димка настаивал, чтоб на аэродром

они приезжали с вечера четверга и оставались там до исхода воскресенья. Даже если небо безнадежно обложено тучами – вдруг появится минимальный просвет и борт успеет сделать хотя бы единственный подъем?.. А если с погодой везло, Димочка всегда стремился напрыгать в день как можно больше. Пять, шесть, даже восемь прыжков... Едва приземлялся, немедленно мчал быстренько уложить купол, и в новый взлет. Но только каждый прыжок денег стоил, и, по тогдашним доходам, немаленьких – десять долларов. На двоих за выходные до четырехсот «зеленых» улетало. Запросто можно было в Египет по горячей путевке слетать. Но Лена о турпоездках даже заикаться не смела. Потому что Дима откликался монологом: «Ты что? Египет – это для ленивых и жирных! А тут небо! Полет! Риск! Да и перспектива!..»

Под перспективой Дима понимал, что их обоих могут со временем пригласить в сборную города. И тогда прыжки бесплатные, жилье с питанием – за государственный счет! Да еще и заграничные поездки...

Заманчиво, конечно, для школьника – или романтика-бессребреника, коим сердечный друг и являлся. Но она уже тогда о собственной риелторской фирме подумывала. И сравнивать карьеру спортсменки-парашютистки с перспективой *большого бизнеса* даже не приходило ей в голову. Конечно же, без вариантов: бизнес! Тем более что неоднократно встречала на аэродроме дамочек, посвятивших жизнь небу. Рано постаревшие, лица в морщинах, ногти вечно об-

ломаны (когда купол укладываешь, маникюр сберець невозможно). Неприкаянные, помешанные на стихии. Но только, считала Лена, небесный азарт молодых, может, и украшает. А дама за сорок в плохоньком спортивном костюмчике и с парашютом на плечах выглядит по меньшей мере нелепо...

Пыталась, как могла, объяснить Димке, что вовсе не обязательно завязывать с небом навсегда. Но изменить приоритеты, сбавить обороты... Заниматься бизнесом... А парашюты – оставить как развлечение...

Димка делал вид, что соглашался. Но только – теперь уже без нее! – при первой же возможности удирал на аэродром. Эти побеги и стали в их отношениях последней каплей.

* * *

– Прыгать будешь на тандеме, то есть вместе с инструктором. Не волнуйся, риск вообще нулевой, – тоном знатока просвещал ее Леонид.

А Лена (она уже отошла от первого шока) загадочно улыбалась. Что ж, впервые в отношениях с олигархом у нее появился козырь. Она, конечно, не прыгала больше десяти лет – бизнес закрутил настолько, что в выходные только выспаться мечтала, какой уж аэродром. Да и не хотелось, если честно, без Димки. Но позориться на тандеме не станет – над подобными «спортсменами» она во все времена посмеивалась. Разве героизм – вывалиться из самолета, будучи намертво

прикрученным к инструктору? И нестись к земле – на пару с ним и полностью под его ответственность? Единственное, что требуется, – не вырваться и не орать. Стыдобища!..

...И на летном поле Лена первым делом спросила у встретившего их инструктора:

– А «ПО-17» с производства, наверно, уже сняли?

– Давно, – усмехнулся воздушный волк и с интересом взглянул на нее: – А вам что, знаком купол?

– Ну... я на нем чуть-чуть до пятисот прыжков недобра-ла, – усмехнулась девушка.

А Леонид впервые взглянул на нее с неприкрытым, абсолютно *мужским* интересом. Удивленно произнес:

– Ты не шутишь?

– Не-а, – улыбнулась она. И, вновь обернувшись к инструктору, произнесла: – Я еще в группе Фомича начинала. В той самой, первой в стране. По групповой акробатике...

– О, серьезная девушка, – уважительно произнес повелитель неба. И с оттенком зависти добавил: – Почти все оттуда давно в сборной. Кубок мира в прошлом году взяли...

– Ну а я выбрала бизнес, – пожала плечами Елена.

– Да, я понял. – Инструктор мазнул взглядом по их эффектной спортивной машине, припаркованной в шаге от летного поля.

А Леонид с заговорщицким видом положил руку ему на плечо:

– Слушай, брат, ну, раз она – воздушный волк... Точнее,

волчица... Пусть со мной прыгнет? Как инструктор, а?..

Лена фыркнула. Переглянулась со старым парашютистом. Насмешливо произнесла:

– Нет, дорогой. Для этого специальный сертификат нужен. Но, если хочешь, я прыгну сразу за тобой... Будем падать рядышком.

И хулигански добавила, прямо в Лёнино ухо:

– А договор купли-продажи можешь прямо в свободном падении подписать!

Круто развернулась и, чувствуя, как все тело наполняется радостными пузырьками предвкушения, помчалась на парашютный склад. Нужно, на первый раз, выбрать себе не «Стилето» и не «Эсклабур», а что-нибудь поспокойнее.

* * *

Ох, как же ей парашютов, оказывается, не хватало!

Веселой толкотни в вертолете, лиц, исполненных показной беззаботности (хотя на самом деле перед прыжком немного волнуются даже чемпионы из чемпионов). Не хватало стремительно удалявшейся земли (а вместе с нею, казалось, внизу оставались и все, даже абсолютно неразрешимые проблемы). И сам воздух здесь, на высоте, был совсем другой. Сразу после взлета – горячий, напоенный ароматом потревоженной травы и солярки, но с каждой набранной сотней метров на борту становилось все свежее – будто не вверх

поднимались, а постепенно перелетали из знойного летнего полудня в прохладную осень...

Лена сидела, свесив ноги в открытую рампу¹. То была привилегия опытных спортсменов (начинающих, от греха подальше, сажали на скамейки поближе к кабине пилота). Но Лену – хотя она и была на этом аэродроме абсолютным новичком – выпускающий из опасного места не погнал. Или слух разлетелся, что она когда-то (пусть десять лет назад!) тоже подавала надежды. Или просто жаль стало матерому летуну стирать счастливую, предвкушающую улыбку с ее лица...

До чего же прекрасен мир – когда смотришь на него не из герметичного салона, не сквозь иллюминатор рейсового самолета! Все совершенно другое. Вот промелькнула стоянка, Лёнин спортивный автомобиль. На земле – машина впечатляла, вызывала зависть, а сверху выглядела просто как несолидная коробочка. А теперь – лес, и четко видно, как, не разбирая дороги, мчится испуганный ревом мотора бурый заяц. А потом – дачи (до чего забавно с высоты сто метров выглядят тетки, что копаются, попой кверху, в своих огородах!).

...А с борта, что взлетел за пятнадцать минут до них, уже посыпались парашютисты. В безоблачном летнем небе видно далеко, ясно. Вот парочка – летит в свободном падении, лицом друг к другу, взявшись за руки, и, кажется, целуется.

---

¹ Съемная хвостовая часть корпуса вертолета. В теплую погоду (в отличие от зимы, когда отделение происходит в дверь) прыжки производятся через нее.

Так увлеклись, что едва в бэпэ² не свалились, и открылись поздновато, метрах на пятистах. К гадалке не ходи: приземлятся – получают нагоняй от начальника старта. А за ними отделяется команда. Восьмерка. Сразу видно, опытные. Делают все перестроения настолько быстро, что даже количество фигур подсчитать не успеваешь. И купола у всей команды вспыхивают на безопасных восьмистах метрах. Ничего не скажешь, профессионалы... «А вдруг там, с ними, – и Димка?!» – мелькнуло у Лены в голове. Но она, конечно, прогнала от себя мысль о нем. Откуда ему здесь, на коммерческом аэродроме, взяться?.. Да и вообще не факт, что отставной бойфренд связал свою жизнь с парашютным спортом. Димусик – он ведь такой: сегодня на уме одно, завтра другое. Может, давно уже перешел в серферы. Или увлекся бэйс-джампингом. А может, просто спился. У парней его склада, увлекающихся и безалаберных, пьянка – самый частый жизненный исход...

– Заходим на боевой! – кричит Лене выпускающий.

И сердце, конечно, екает. А губы автоматически растягиваются в улыбку – перед отделением ни в коем случае нельзя показывать, что волнуешься. Облизывать губы – удел новичков и трусов... И очень, кстати, приятно, что Леонид (ох, она почти о нем забыла!) – явно малость не в себе. Украдкой прощупывает, крепко ли пристегнут карабин, приторо-

---

² Беспорядочное падение. Прежде чем открывать парашют, его обязательно надо стабилизировать.

чивший его к инструктору.

Лена встала – выпрыгнуть будет эффективней с разбега, словно в теплое море с мостика.

– Давай! – крикнул ей инструктор.

Она, из глубины салона, разогналась. И, ныряя во всецело принадлежащее ей небо, успела выкрикнуть фразу из любимого всеми парашютистами фильма «На гребне волны»:

– See you on the ground!³

– Пижонка! – беззлобно ругнулся вслед выпускающий.

А Леонид, она видела уже снизу, отделился от борта с крепко зажмуренными (ага, перепугался!) глазами...

Интересно, не все ли она забыла? И получится ли – немного погасить вертикальную скорость и подобраться к Леониду, покинувшему вертолет на пару секунд позже? Хотя он вдвоем с инструктором падает, значит, несется к земле быстрее. Поймаем, никуда не денутся. Только бы с непривычки не налететь на них, а подрулить изящно. И еще не забыть, когда окажутся лицом к лицу, втянуть щеки, слегка прикусить их зубами. Иначе будут под действием воздушного потока некрасиво болтаться...

...Хотя Леонид, кажется, и не видит ничего. Губа закушена, и инструктор уже который раз пихает его в плечо – чтоб раскинул скрещенные на груди руки, отдался свободному падению.

«И за этим ничтожеством я гоняюсь?! – мелькнуло у Ле-

---

³ Увидимся на земле! (англ.)

ны. – Да пошел он! И на квартиру – плевать! Переживу!»

Тут, на высоте и полностью под властью стихии, никакие миллионы действительно ничего не значат...

И она, более не обращая внимания на дрожащего Леонида, головой вниз, максимально увеличивая скорость падения, понеслась к земле.

* * *

После прыжка Лена была совершенно как пьяная. Лицо в безумной полуулыбке, в глазах – до сих пор небо, на губах – капельки, что остались после полета сквозь облако (по вкусу очень похоже на кислородный коктейль). Она совсем не слушала Леонида, его типичных для неофита восторгов. Все они, новички, говорят одинаково: «Я сделал! Я прыгнул!» Лену всегда смешило подобное бахвальство. Ну *привез* тебя инструктор с небес на землю – и что? Как барышня, право слово. Из тех, что высылают свои фотографии на газетные конкурсы красоты и в графе «о себе» пишут: «Мечтаю прыгнуть с парашютом». Хотя чего мечтать? Готовь пару тысяч наличными да поезжай в выходные на ближайший спортивный аэродром!

Но если отрешиться от *неземного*, ей все-таки очень повезло, что Леонид привез ее именно сюда. Нежданно для себя, негаданно – в родную стихию. Олигарх, видно, надеялся ее смутить, может быть, окончательно подавить – а получи-

лось наоборот. Не у нее, у него – от страха прикушена губа, а ковбойка – промокла от пота. А она (Лена чувствовала) сейчас выглядит прекрасно – освеженная ветром, сошедшая с небес богиня. Да, помог ей вседержитель (не человеческий, но бог удачи, бог неба). И Лёня – самонадеянный бизнесмен – сразу с ней другим тоном заговорил. Утром бы просто взял за руку и велел: «Пойдем». А сейчас – голос медовый, вкрадчивый: «Что бы ты хотела, Леночка? Пообедать? Коктейль? Или, может (его голос подрагивает), прыгнем еще по разу?..»

И она честно ответила:

– Ты прекрасно знаешь, чего я хочу. Купи у меня эту расстрелятую квартиру...

(В небе, конечно, ей на бизнес было плевать, но сейчас-то они на земле.)

Ей почему-то казалось: теперь, когда она королева, Леонид не сумеет отказать.

Однако он вдруг – совершенно спокойным, холодным тоном – произнес:

– Нет.

Подобного Лена не ожидала. И растерянно, как сопливая девчонка, пробормотала:

– Но ты ведь обещал...

– Разве? – холодно улыбнулся он. – Я всего лишь сказал, что мы поговорим о квартире, когда приземлимся. Вот я и сообщаю тебе мое решение. Нет. Покупать ее я не буду.

...А она-то, наивная, планы строила! Что ей не просто, од-

ним летним днем, удастся от долгов избавиться... Почему-то казалось: Лёня, впечатленный и пораженный, может сейчас ей совсем другое предложение сделать – руки и сердца. И будут они вдвоем с ним жить на Чистых прудах. В месте, которое она сама подсознательно и создавала для счастливой семейной жизни... А что, очень бы прогрессивная, современная получилась ячейка общества. У каждого – свой бизнес. (Причем Леонид, явно куда более обеспеченный, чем она, конечно, не отказался бы ей помогать. И советами, и заказчиками, и материально.) Со временем завели бы детей. А в выходные (как она когда-то и мечтала) ездили бы на аэродром – раз ему это дело понравилось. Эффектное и необременительное хобби – совершать по паре парашютных прыжков в неделю.

Но Леонид, оказывается, просто играл с ней! Дал надежду, вознес в небеса – и жестоко сошвырнул с них на землю!

...От взмывшего в небо борта вновь отделилась команда-«восьмерка». Чтобы скрыть слезы на глазах, девушка отвернулась от своего спутника и жадно впиалась взглядом в уверенные движения группы. Почему-то вдруг показалось (высота четыре километра, смешно!), что один из них – тот, что давал отмашку на перестроения, – Димка...

Лена хотела сказать Леониду что-то колкое, злое. Но губы, словно у пьяной, ее не слушались. И она лишь смотрела на него – затравленно, жалко. И совсем, конечно, сейчас не походила на королеву неба. И уж тем более – на удачливую

бизнесвумен.

...А команда в небе уже вспыхнула куполами. И девушке снова привиделось: тот, кто раскрылся последним, – он, Дима. Ее давняя и единственная, как оказалось, любовь.

– Приятно было с вами познакомиться, Леонид Юрьевич, – резиново-вежливо пробормотала она.

И бросилась от своего спутника – прочь, в поле. До чего же красиво тот парашютист спускается! Как лихо скручивается, теряя высоту... Димин почерк. Он, точно он!

«Я не просто пьяная. Я вообще с ума спятила», – пробормотала Елена.

Но бежала все быстрее и быстрее. И оказалась в точке приземления за пару секунд до того, как ее принц, в небрежном полупрыжке, коснулся земли.

– Димка... – растерянно прошептала Лена.

Но парашютист не услышал. Да и смотрел мужчина вовсе не на нее, праздную зрительницу, а в небо, откуда стремительно снижался еще один купол. Спускалась под ним женщина.

Вот она приземляется... и Дима – бросается к ней... Они целуются, девушка счастливо хохочет. А он вдруг извлекает из-под куртки букет незабудок (чуть помятый полетом) – и протягивает своей зазнобе...

А Лена, очень отстраненно, очень холодно думает: «Ну вот. Теперь уж точно. Я упустила в своей жизни все. Абсолютно все, что только могла...»

Двое мужчин сидели в баре. Оба были пьяны. И говорили о женщинах. Точнее, об одной женщине.

Первый из них строгим голосом очень нетрезвого человека произнес:

– Димка, ты, конечно, мне друг... Но бабу твою мне жаль.

– А мне – нисколько, – мгновенно ответил его собутыльник.

– Девчонка она у тебя аппетитная. Да и такая счастливая была сегодня... Может, увести ее у тебя?

– Да забирай, не жалко!

– А она тебя любит, Дмитрий. До сих пор любит.

– Да что ты говоришь?! Почему тогда за десять лет, что прошли, ни разу не поинтересовалась: где я? Что со мной? Когда меня в армию забирали, даже проводить не пришла!

– Может, просто не знала, что тебя из института поперли?

– А должна была знать! Должна была, Лёня! Из-за нее ведь вылетел! На пятом курсе, перед самым дипломом! Учитесь-то некогда было. Все зарабатывал ей. На рестораны, на тряпки...

– Дима, не надо себя жалеть.

– Она всегда была помешана на деньгах, на богатстве. Ей только такие, как ты, нравятся. На «Феррари».

– Все бабы одинаковые.

– Только я миллионов не заработал. И никогда не заработаю! Я не такой прощельга, как ты. И вовсе не обязательно всем быть бизнесменами. Кто-то, как говорится, и дворы подметать должен.

– Ну, ты-то дворы, допустим, не подметаешь. Шутка сказать: чемпион мира! Мастер спорта международного класса. А за первое место на Европе что тебе подарили? «БМВ», кажется?..

– А, с твоими доходами разве сравнить!

– Ну, захотелось девушке в бизнес. Зачем мешать? Пусть бы баловалась...

– Да она совсем с катушек слетела со своей карьерой! Все только деньгами мерила!

– Все, успокойся. А помнишь, как мы с тобой в армии в самоволку ходили? И девок сняли, студенточек? А ты тогда напился и кричал на свою: куда тебе, глупая курица, про карьеру мечтать! Дома сиди, мужу котлетки жарь!

– И что, я не прав, что ли, был? Сильно Ленка в своем бизнесе преуспела? Есть у нее перспективы? Вот ты, ты, успешный! Скажи!

– Ну... Она, конечно, старается...

– Что там за квартира вообще? Которую она тебе впаривала?

– Да неликвид, между нами, полный. Отделка под евро – но только кому она нужна в старом доме, где проводка насквозь гнилая? Трубы ржавые. Соседи – алкаши. Кто из се-

рьзных людей туда поедет? Да еще и за два зеленых лимона?! Дай бог за полцены свою хату пристроит – если повезет.

– Значит, хана ее бизнесу?

– Ага! Волнуешься?

– Нужна она мне еще за нее волноваться!..

– А зачем ты просил меня познакомиться? Привезти на аэродром? Покрасоваться перед ней надумал?.. Проучить ее? Чтоб поняла, кого потеряла?..

– Да ничего я не думал. Просто дурак! Опять дурак!.. Все, проехали...

– Хочешь, Дим, вот ей-богу: куплю тебе эту квартиру. И подарю. И живите в ней – со своей ненаглядной!..

– Ты, что, спятил?..

– Ну или давай рассрочку тебе открою. Лет на тридцать. Будешь потихоньку выплачивать.

– Прекрати, Леонид! Не нужна мне эта хата. И Ленка тоже не нужна. У меня своя жизнь. А у нее – своя. Пусть наслаждается... Своим бизнесом.

– Не будет у нее больше бизнеса. Отберут за долги.

– Вот и поделом ей.

– Нет, Димка, ты чушь затеял... Ладно, показал, какой ты весь из себя матерый спортсмен, – это ладно. Но добивать-то девчонку зачем? Еще и на ее глазах с другой целовался... Мелко, брат... Ох и ревела твоя – я видел...

– Раньше надо было думать. А теперь – пусть плачет.

– Хотя бы позвони ей.

– Никогда.

– Просто поговори с ней. И расскажи, что я – твой армейский друг и мы ее просто разыграли!

– Да с какой стати?

– Ты ведь ее любишь, Димитрий. И не зыркай, не зыркай на меня. А то не посмотрю, что десять лет тебя знаю: уведу твою Ленку!

– Иди ты к дьяволу!

– Мы с ней, кстати, сможем свадьбу в небе сыграть. А что, хорошая идея! Прямо в свободном падении ей кольцо наде- ну. А ты рядом будешь падать, свидетелем...

– Что ты сказал?!

– А чего такого? Я теперь тоже, твоей милостью, парашю- тист!

– Она тебя пошлет.

– А я уговорю. Пообещаю, что брошу свой бизнес и буду каждый день с ней на аэродром ездить!

– Хватит бредить, а?..

– Да это ты бредишь, не я! Давай, быстро! Хватай телефон и звони!

И Леонид протянул другу свой мобильник.

– Не станет она со мной говорить, – неуверенно произнес Димка.

– А со мной?

– С тобой тем более не станет.

Но телефонную трубку взял.

Жертва рекламы

– Татьяна! К шефу!

Садовникова скривилась. Когда ранним и чрезвычайно хмурым весенним утром вызывает сам Брюс Маккаген, дела плохи. Вряд ли американский босс хочет зарплату повысить. В лучшем случае – сорвет на ней, творческом директоре, собственное плохое настроение. А если совсем уж устал от дикой России и несусветных пробок, может и оштрафовать. Ни за что. Для профилактики. Повод всегда найдется.

Но начальник – фантастика! – встретил Таню с улыбкой. Не поленился седалище от кожаного кресла оторвать. И даже кофе предложил.

Татьяна насторожилась еще больше.

А Маккаген, сверкая фальшивыми американскими зубами, радостно произнес:

– Таня! Лично вам, как творческому директору, я хочу поручить ответственный и чрезвычайно, просто исключительно интересный проект!

Еще подозрительней. За *исключительно интересные* проекты сотрудники обычно дерутся – а тут он сам в руки пойдет. Да еще с лучезарной начальственной улыбкой.

– Я назначил вас ответственной за рекламу «Spring Love», – триумфально закончил шеф, и Садовникова едва не застонала.

Хуже не придумаешь. Бывают такие проекты – от начала до конца невезучие. А именно в рекламе духов «Spring Love» слились, как говорится, в одном флаконе сплошные проблемы.

Парфюм пах, во всяком случае, на Танин вкус, резко и дешево. Но это еще полбеды. Тем более что денег на ролик заказчик не пожалел – отвалил за креатив и съемку аж триста тысяч зеленых. Но уж больно команда подобралась неудачная. Фотомодель, «лицо товара», Эвелина Барышева – девочка смазливая, но крайне бестолковая и капризная. Режиссер с говорящей, прямо-таки созданной для рекламы и кино фамилией Красивый – большой талант. Но алкоголик и лентяй еще больший. Да и сценарий дорогого имиджевого ролика отдали блатному – племяннику господина Маккагена, серьезному, с бархатными глазами юноше, недавнему выпускнику Гарварда, по имени Стив. А вчерашние студенты, всем известно, работают *по учебнику*. Однако жизнь, в том Татьяна убеждалась не раз, куда многогранней и сложней, чем любые, даже гарвардские, прописи.

– Нет, мистер Маккаген, – твердо произнесла Татьяна, – со «Spring Love» я возиться не хочу.

– А это не предложение, – нахмурился шеф. – Считайте, что это приказ.

– А если я откажусь его выполнять?

– У нас не военное время, – иезуитски улыбнулся Маккаген, – поэтому мы вас не расстреляем. Но уволим.

Вот американская сволочь! Знает ведь, что на Садовниковой висят два серьезных кредита и терять работу ей сейчас совсем не с руки.

– Но с «Весенней любовью» такая фигня получается... – простионала она.

Маккаген, хотя и экспат, но русский сленг давно освоил. Гневно вскинул брови. И Татьяна немедленно пошла на пятую:

– Я, конечно, не сомневаюсь, что сценарий Стив написал гениальный. Но фотомоделька, как ее... Эвелина? Она ведь никуда не годится! И режиссер – полный дебил.

Увы, опять вышло не в тему. Потому что шеф еще больше захмурнел и едко произнес:

– Хочу вам заметить, Татьяна, что к ролику уже проявляется огромный интерес. Анонсы о съемках опубликованы в журнале «Философия рекламы». Да и представители СМИ пожелали на площадке присутствовать. По собственной, кстати, инициативе. Я, конечно, разрешил. Пиар никогда не помешает. Тем более бесплатный.

Ну, вообще ни в какие ворота... Пиар, конечно, дело хорошее – но разве можно приглашать журналистов на съемки? А коммерческая тайна? Да и о рабочей атмосфере, когда кругом болтается пресса, придется забыть.

Однако Татьяна взглянула в полыхавшие яростью очи шефа и больше возражать не стала. Сама виновата, что до директора пока не дослужилась. Или замуж за миллионера не

вышла. Тогда б имела право капризничать. А пока она человек подневольный. Спасибо Брюсу, что в Ашхабад не послал, туркменский филиал открывать.

«Ладно, мистер Маккаген. Сделаем из дерьма конфетку. Не впервой», – едва не брякнула Татьяна.

Но, конечно, промолчала и лишь безропотно, в стиле образцовой подчиненной, склонила голову.

* * *

Два фургона с аппаратурой. Отапливаемый трейлер для звезды Эвелины Барышевой. Ее «Мерседес». Автобус, привезший съемочную группу. Еще один – с журналюгами... На натуре – опушке подмосковного леса – сразу стало тесно и суетно.

Красавица Эвелина явилась на съемки с сопровождающими лицами.

Во-первых, при ней имелась собачка – отвратительный, абрикосового цвета тойтерьер. Кроме того, звезду сопровождал широкоплечий, угрюмого вида браток, немногословный и хмурый, – охранник, а может быть, бойфренд. Третьим в свите оказался вертлявый юноша – его Эвелина представила как Альберта, двоюродного брата. Брат надоедливый котенком терся вокруг модели и совсем не по-родственному то и дело прикладывался то к ее щечке, то к ручке. Мрачный бойфренд (охранник?) каждый раз при этом хмурился.

Но Эвелинка, чтоб окончательно раздразнить своих спутников, еще и каждому встречному оператору-ассистенту глазки строила.

А когда на съемочную площадку пожаловал режиссер – охальник и раздолбай Валюша Красивый, – атмосфера окончательно накалилась. Валюша, как положено истинной богеме, считал моделей, даже самых звездных, всего лишь *мясом*. И обращался с ними соответственно.

– Эвелинка, сучка такая, ты почему бледная? – тут же кинулся он к героине. – Опять всю ночь в койке кувыркалась?

Модель – не первый год в бизнесе – в ответ привычно и глупо захихикала. Свита красавицы посмурнела. Но Валюшка этого не заметил, сразу кинулся группе указания раздавать:

– Что за херня? Почему свет до сих пор не выставлен? И Эвелинка ни фига не готова. Роба – краше в гроб кладут! Кто ей делал мэйк-ап? Покажите мне его, криворукого дальтоника!

Криворукий дальтоник — дорогуший, триста долларов в час, стилист – лишь зубы стиснул, но вступать в дискуссию с режиссером не стал. Опытный человек. Понимает, что Валюшке любой предлог нужен, чтобы войти в нужное состояние. Кто-то заряжается кофеем, кто-то спиртным, а временно завязавший Красивый – хамством.

Зато Эвелинин браток (теперь понятно, что не охранник, а забирай выше – сердечный друг) со скрытой угрозой про-

изнес:

– Ты. Дядя. За базаром. Следи.

И невзначай поместил правую руку во внутренний карман кожаной куртки. Вроде пистолет у него там. А что, с такой рожей вполне возможно.

Татьяна – только криминальных разборок не хватало ей на съемочной площадке! – чуть не грудью принялась заграждать Красивого. Но режиссер и сам не растерялся. Широко улыбнулся братку, сложил губы трубочкой:

– Ах ты, мой сладкий! Ах, до чего я люблю вот таких... грозных! Ты меня просто... возбудил!

В группе раздались смешки. Журналисты, пожаловавшие на съемку, наострили камеры. Зашелкали блицы: ура, вот-вот начнется скандал или, еще лучше, потасовка. Браток побагровел. А режиссер, весело насвистывая, двинул от Эвелины с ее свитой прочь.

– Блин, ну и хрен с горы... – расслышала Татьяна шипение бритоголового. – Допросится он у меня...

Модель в ответ зашептала:

– Но, милый, ведь это же режиссер! Он считает, что здесь главный!

– Вижу, какой он главный!.. – продолжал кипятиться спутник модели. – Петух с параша!

– Ерунды не говори, – невозмутимо хмыкнула звездочка. – Шуток не понимаешь?

«А Эвелинка не глупа», – мелькнуло у Татьяны.

Она оставила девушку умасливать своего кавалера и двинула вслед за Валюшкой. Бросать режиссера без присмотра нельзя ни на секунду. Иначе мигом – талант во всем талант! – вычислит, у кого из толпы, что ошивается на съемочной площадке, можно коньячком разжиться. И тогда пиши пропало. Год назад, когда за режиссером недосмотрели, Красивый канкан плясал. Без брюк и ботинок, в трогательных красных носках.

Догнала она Валюшу подле машины с аппаратурой. Тот опять орал, уснащая свой корявый английский русской бранью, – на сей раз на сценариста, американца Стива.

– Стивка! Ты, блин, ваще, что ли, козел? Натуру дурней не мог найти?

Таня еле удержалась, чтоб не улыбнуться. Да уж. Натуру для съемок ученый американец подобрал хуже некуда. Атмосферу, видите ли, решил создать. Вытащил съемочную группу в пригород. В сценарии написал красиво: *«Ранняя весна, только что сошел снег, пахнет талой водой, деревья замерли, предвкушая, как вскоре оденутся в зеленые одеяния»*. А на практике весь коллектив мерзнет в голом, продуваемом всеми ветрами березовом лесу. Хотя по календарю и весна, но снег в угоду американскому сценаристу окончательно сойти не пожелал – грязно-белые бугорки чередовались с глубокими, полными талой воды лужами. И по такой-то грязи Эвелинка должна, на минуточку, рассекать босыми ногами. Голая. Укутанная в один лишь шифоновый платочек...

Какая здесь романтика? Скорее садомазохизм.

И съемочной группе тяжело. Эвелинке терпеть лишения по роду профессии положено – а остальным за что мерзнуть?.. Таня в своей пижонской куртешке от «Прады» уже продрогла насквозь. Одна надежда: начнется съемка, пиротехники дымовые шашки запалят. Может, чуть-чуть теплее станет.

Хоть Тане по должности и положено гасить конфликты, Стива она перед Красивым защищать не стала. Пусть сам оправдывается.

Садовникова тихонько шмыгнула в сторону – выпить, пока есть время, кофе из термоса. Но добежать до машины не успела – ее схватили за рукав.

– Что еще? – раздраженно обернулась она.

И вдвойне возмутилась, когда увидела, что за «Праду» ее тянет не кто-то из команды, но всего лишь худосочный Альбертик. Эвелинкин якобы кузен. Попросит небось сейчас его сфотографировать. С режиссером или с огромным бутафорским флаконом «Spring Love». «Чайники», попавшие на съемки, постоянно лезут с подобными просьбами.

Однако произнес молодой человек совсем иное:

– Меня очень беспокоит здешняя энергетика.

– Да неужели... – иронически протянула Садовникова.

– Особенно карма, сложившаяся вокруг Эвелины, – понизил голос молодой человек. – Пространство вокруг нее буквально наэлектризовано...

– И что теперь делать? – взволнованно спросила Таня.

Она считала, что умеет разговаривать с психами. В рекламном бизнесе псих – каждый второй. Куда умнее не спорить, а сделать вид, что воспринимаешь собеседника всерьез, и потом незаметно улизнуть.

– Конечно, зря она привела с собой Федора... – задумчиво сказал худосочный. – Ее не должны окружать люди с подобным прошлым.

– А что у него в прошлом? – наострила уши Садовникова.

– Ну... он, понимаете... сидел, – склонил голову молодой человек. – По серьезной статье...

«И ходит с пистолетом, – пронеслось в мозгу Татьяны. – И глаза у него ревнивого собственника. А Эвелинка сейчас, на радость толпе, перед камерами раздетой появится, прозрачная накидка не в счет...»

– Спасибо. Я вас поняла, – поблагодарила она юношу.

Потом мягко отстранила его и задумчиво оглядела площадку. А ведь Альбертик, хотя по виду и чудак, прав. Напряженная какая-то обстановочка. Наверное, потому, что народу полно. Одних журналистов чуть не двадцать штук понаехало. Не обманул Маккаген-старший. И многие из акул пера уже поддатенькие. А как еще греться, когда на улице от силы плюс два? Везде лезут, гогочут, мешаются, советы раздают, шуточки отпускают... А уж когда голая Эвелинка появится – и вовсе бардак начнется. Ох уж этот ученый рекламщик Стив... Как там в его сценарии: «*Окутанная романти-*

ческим флером героиня царственно кладет руку на искрящуюся грань флакона с духами «Spring Love».

Романтический флер сценарист планировал создавать так: полностью обнаженная Эвелина величаво вступает в подкрашенный голубым дым. Тане еле удалось уговорить Стива, чтобы на модель полупрозрачную шаль накинули. Но сейчас, в присутствии братка, толпы и придурковатого псевдокузена, похоже, и шаль не спасет. Не случилось бы беды...

* * *

Снять шедевр Валюшка Красивый сегодня явно не старался. То ли сценарий его не вдохновлял, то ли героиня не нравилась. А скорее, бесенок алкоголизма раздражал, толкал под руку.

По крайней мере, проход Эвелинки от неприветливых берез к бутафорскому флакону с духами режиссера удовлетворил с первого дубля.

– Снято! – радостно выкрикнул Красивый.

И бросил плотоядный взгляд на ряды журналистов – те дружно угощались коньячком из фляжек. Явно рассчитывал, что, пока будут переставляться свет и камеры, и ему нальют.

«Зубами вцеплюсь – не допущу! – решила Татьяна. – Надо любой ценой Красивого отвлечь».

– Валюша, ты не знаешь, – ласково обратилась Садовникова к режиссеру, – почему сегодня столько журналистов со-

бралось?

– Говорят, Эвелинка потребовала, – фыркнул тот. – Она ж у нас звезда-а-а... Думает, что фигура у нее, как у Памелы Андерсон, вот и пожелала пиара. Чтоб каждый канал ее голый зад продемонстрировал.

– А откуда у нее на журналистов выходы? – пробормотала Татьяна.

В базе данных агентства звезд, подобных Эвелинке, – сотни. И ни для кого прессу на съемки ни разу не приглашали.

Но возразить режиссеру Татьяна не успела. Потому что к ним с Красивым вдруг бросился молодой американский сценарист. И нахально заявил:

– Я приказал не переставлять технику. Сцену нужно переснимать.

– Ты приказал? – иронически поднял бровь режиссер.

– У меня, как у сценариста, есть право вето, – не смутился ученый американец. – Сцена явно не удалась. Понимаете, Валентин, – он важно взглянул на режиссера, – у вас пока абсолютно не получается создать той романтической атмосферы, о которой говорилось в сценарии. Не выходит заставить потребителей полюбить наши духи... вдыхаться в них...

– Блин... – в притворном ужасе схватился за голову режиссер.

Таня тоже кипела от возмущения. Да уж, юный американец – и не умный, и крайне беспардонный. По его сценариям покуда ни единого ролика не сняли, а он уже самого Краси-

вого жизни учит. Думает, раз племянник Маккагена – значит, ему все позволено?

И она ласково произнесла:

– Вам не кажется, Стив, что вы свою задачу уже исполнили? Сценарий написан, и неплохой в целом сценарий, – она фальшиво улыбнулась. – А как снимать – пускай уж Валентин сам решает.

– Как это сам решает?! – вспыхнул американец. – Ролик мой. Понимаете, мой! И я никому не позволю его запороть!

– Вот придурок, – усмехнулся Красивый.

– Сами вы... stupid! – рявкнул американец. – А мой ролик еще прославится. Вот увидите!

А из стана журналистов тем временем донеслось:

– Эй, творцы! Хорош трепаться. Колотун! Запускайте Эвелинку голую – не догоним, так хоть согреемся! А то уедем сейчас, на фиг!

И в стае акул пера раздалось здоровое жеребьячье ржание.

– Вот и вся романтика, – улыбнулась Стиву Садовникова. – А ты говоришь: флер, дымка, ароматы... Народу, прости, не *флер* нужен, а Эвелина без трусов.

Стив – неожиданно – спорить не стал. Примирительно произнес:

– Ну, раз народ просит...

– Будем снимать дальше? – обрадовалась Татьяна.

– Ну да, – кивнул американец. – А то вдруг и правда разъедутся... – И, начальственным баском, крикнул: – Пусть

Эвелина раздевается!

Таня ретранслировала команду американца костюмерше. Пока говорила, в поле ее зрения случайно попал бритоголовый спутник фотомодели. Тот стоял молча, лицо болезненно дергалось. А крутившийся рядом с ним худосочный якобы кузен что-то шептал братку в ухо. И лицо у того мрачнело еще больше.

«Оба они какие-то странные», – мелькнуло у Татьяны.

Но тут она увидела, как режиссер тихой сапой ввинтился в ряды выпивающих журналистов. Сейчас точно коньяку хлебнет!

И Садовникова стрелой бросилась за ним, а спутников фотомодели из головы мгновенно выкинула. Не до свиты сейчас – когда единственный глоток спиртного может поставить под угрозу всю съемку.

* * *

Надо отдать должное: укутанная в прозрачную, почти ничего не скрывающую тряпочку, Эвелинка смотрелась эффектно. Даже полурастаявший снег, голые березы и уродский бутафорский флакон со «Spring Love» картины не испортили. И топтать по ледяной земле у нее получалось довольно царственно. И поводила плечами она с достоинством королевы.

Даже Таня, которая всегда очень ревниво воспринимала

женские успехи, признала:

– Хороша.

– И шаль для романтики в самый раз, – согласился с ней Красивый. – Сворачиваемся?

– А дым? – хмыкнула Татьяна. – Пиротехникам, между прочим, уже заплачено...

– Ладно. Хрен с ним, пусть будет дым, – закатил глаза режиссер. – Только смысл? Как Элька входит в него – снимем. А дальше – все равно же ее видно не будет... Ладно, как скажете.

И Красивый закричал:

– Пиротехники, давайте дым! Да не жмитесь, побольше!

Повернулся и подмигнул Татьяне:

– Сейчас скроюсь от тебя в дыму пожара. И коньячку наконец раздобуду...

– Только попробуй! – пригрозила она.

Ох уж эти таланты! Гений Валюшка – запойный алкоголик. Звезда Эвелинка зазвала на съемки целую толпу журналистов. Сценарист Стив уже достал всех со своими дымами да флерами...

– План три, дубль один! – грохнула хлопнушкой ассистентка.

– Начали! – заорал Валюшка. – Дым! Теперь Эвелинка! Пошла!..

Девушка – по-прежнему босая и в прозрачной шали – павой вплыла в голубоватое облако.

– Эвелинка! Текст! – еще громче закричал режиссер.

Ролик, конечно, еще будет переозвучиваться. Но на съемочной площадке актеры текст обязательно проговаривают, даже когда их губ не видно. Принято так.

– «Spring Love»! Аромат любви! – раздался из клубов дыма писк Эвелинки.

И в тот момент прозвучал хлопок – удивительно похожий на выстрел.

– Стоп! – вскипел Красивый. – Кто тут, блин, шуткует?!

И он грозно повернулся к пиротехникам – двум унылого вида парням. Те дружно заблеяли:

– Мы ниче... Мы только шашку запалили...

– Ну и страна! Полный бардак!

Татьяна услышала крик американца Стива и примирительно произнесла:

– Да ничего страшного, мы ведь звук даже не пишем.

– Эвелинка! Бегом обратно! – заторопил тем временем режиссер. – Снимем второй дубль, пока дым не рассеялся.

Но Эвелина возвращаться из голубого облака не спешила. Зато на площадку ворвался ее худосочный кузен и истошным голосом завопил:

– Ей больно, больно! Я чувствую!

Вдруг и собачка модели, абрикосовый тойтерьер, примчалась. Смело ринулась прямо в клубы дыма и там отчаянно завывала.

– Эй ты, псих! – крикнул Альберту Красивый. – Ты куда

на площадку вылез?

Но Тане уже было не до назревающей ссоры. Охваченная недобрým предчувствием, она нырнула в до сих пор не растаявший дым... и тут же споткнулась о неподвижное тело фотомодели.

* * *

Журналисты даже не стали ждать, пока пиротехнический дым окончательно рассеется. Обступили лежащее на мерзлой земле тело Эвелины и немедленно схватились за свои видео– и фотокамеры. Операторы жадно снимали, корреспонденты сыпали указаниями:

– Платок... сними, как платок на ветру полощется!

– Теперь давай медленный наезд, от ног до лица... И крови, чтобы крови в кадре побольше!

Работали лихорадочно, радостно. Знали, что делают сенсацию. Абсолютный топ вечерних новостей! Актриса убита на съемочной площадке – что может быть интересней?

Даже думать смешно сохранить место преступления в неприкосновенности. Разве журналюг отгонишь...

Татьяна и не пыталась. Отошла себе тихонько в сторону и набрала на мобильнике «02». И, пока сообщала холодно-вежливой операторше о случившемся преступлении, успела заметить: циничный и вроде бы грозный режиссер Валюшка Красивый стоит неподалеку на коленях – его самым

пошлым образом рвет.

* * *

Младшего лейтенанта Кабанова нещадно трясло на заднем сиденье старенького милицейского «козла». Он в компании судмедэксперта и участкового спешил на место убийства.

Усталый толстый участковый сидел за рулем и в режиме нон-стоп ругал москвичей. Мало ему бесконечных вызовов летом – окрестные дачи кишат столичными гостями, отдыхающие – жители Белокаменной – постоянно напиваются, учиняют скандалы и драки, разбираться же, естественно, вызывают местную милицию. А чего стоят безумные новогодние каникулы? Народ из Первопрестольной выезжает на зимнюю, блин, природу и вместо культурного отдыха обогащает местные сводки стрельбой, изнасилованиями и пожарами. И даже сейчас, ранней, спокойной весной, москвичи опять умудрились испортить району статистику...

Кабанов терпеливо слушал, как зудит старший коллега, и вздыхал. Младший лейтенант страдал по другой причине. Дело не только в статистике. Имеется еще такое понятие, как раскрываемость. А убийство, да не кого-то, а звезды, да еще московской, да в присутствии журналистов... Для Шерлока, пресловутого Холмса, или Ниро, жирного Вульфа, не дело – конфетка, занимайся себе дедукцией в полное удовольствие.

Красивая книжка, детектив под названием «Смерть звезды». Но Кабанову не книжки предстояло писать, а протоколы и рапорты. У него, конечно, красный диплом, да и мозги, всегда считал, имеются – но ничего серьезней пьяных драк расследовать ему пока не приходилось. Конечно, дело, и довольно скоро, заберут в область. Слишком оно резонансное. Но осмотр места преступления все равно проводить ему. И хотя бы за это его потом поимеют по полной программе. Потому что непогрешимых нет, а для него убийство на съемочной площадке – первое, и уж что-нибудь он точно упустит или перепутает. Одна надежда – раскрыть преступление по горячим следам. Прямо там, на месте. Ясно ведь: убийство – отголосок московских разборок. И убил кто-то из тех, кто сейчас там, на съемочной площадке, тусуется. Вычислить преступника, допросить и расколоть – вот единственный способ для младшего лейтенанта спасти себя от уже подготовленного к постановке пистона.

Но там свидетелей (они же подозреваемые) целая орда. Построить их, сбить с них спесь, допросить по-жесткому он еще сможет. А вот вычислить убийцу, предчувствовал лейтенант, потруднее будет...

Когда дотрюхали на древнем «козле» до места преступления, Кабанов понял: худшие его опасения оправдываются.

По пути он нещадно накручивал пожилого, ленивого судмедэксперта – чтоб тот не халтурил, место преступления как следует осмотрел, ничего не упустил. Но на деле оказалось,

что осматривать и фиксировать нечего. Потому что место преступления практически затоптано, заброшено посторонними окурками и тысячами не относящихся к делу микро- и макрочастиц.

А со свидетелями еще сложнее. Во-первых, все – шибко умные, на понтах. Кабанов таких вычислял сразу и чрезвычайно недолюбливал. А во-вторых, трезвого среди них не сыщешь. Просто поразительно! Вроде не на пикник выехали, а на работу, рекламу снимать. Теперь понятно, почему у нас реклама такая хреновая... Поддатые тут почти все. В милиции, к примеру, гульбища только на десятое ноября, в профессиональный праздник, позволяются. Точнее, на них начальство глаза закрывает, если, конечно, дело не доходит до мордобоя, порчи казенного имущества или, упаси бог, стрельбы. Но столичные деятели, видно, керосинят и в будни, и в светские праздники, и в церковные. Короче, коньяк в себя с утра пораньше заливают. А потом работают. И убивают.

Кабанов с горем пополам выгнал с места преступления не успевших закончить съемку журналюг. Велел участковому следить, чтоб ни один шустрик лес не смел покинуть. Судмедэксперту приказал осмотреть бездыханное тело. А сам постановил, что штаб расследования будет находиться в примерке погибшей фотомодели. И приступил к опросу свидетелей.

Тех оказалось немало, сотрудничали со следствием они

охотно, но Кабанов быстро понял: его *первое убийство* действительно тянет на висяк. Даже при деятельном участии областных спецов. И уж начальство за подобный висяк – громкий, щедро освещенный на всех центральных телеканалах – Кабанова по головке точно не погладит.

«Дым... Дым! Пиротехники идиотские! Ничего видно не было!» – дружно оправдывались опрошенные.

Мало того что сам момент убийства никто не видел. Еще и подозреваемых обнаружилась целая толпа.

Первый же вызванный на допрос журналист доложил: на съемке присутствовал так называемый «бойфренд», то есть фактически сожитель безвременно почившей Эвелины. И, уверял писака, вполне мог свою подругу грохнуть. «По крайней мере, по виду он – вылитый браток. На всех мужиков, кто к Эвелинке клеился, злобные косяки кидал. И за карман хватался – типа, у него там пушка».

Кабанов немедленно затребовал к себе братка – и в изумлении увидел, что его сытое, неумное лицо перекошено неподдельным горем.

– Элька... Девочка моя... Ну, как же так... – причитал мужик.

Кабанову даже показалось, что тот не уголовный истерик, а страдает искренне. Тем более что насчет пистолета даже вопросов задавать не пришлось. Браток предъявил пушку сам:

– Вот, командир, можешь проверить. Личный. Чистяк. И

разрешение имеется... Да ты дуло понюхай! Не стреляли из него. Пока ни разу.

Вторым подозреваемым оказался двоюродный брат погибшей звезды. «Хотя, похоже, никакой он ей и не брат, – успели наябедничать журналюги, – он Эвелинку то по щечке гладил, то за бедро цапал». А еще, рассказывали свидетели, якобы брат предрекал *что-то ужасное* еще до начала съемок. Чуть ни каждому успел лапши навешать! На площадке, типа, очень плохая карма, и не случилось бы беды...

Не сам ли он ту беду и сотворил?

Кабанов решил прижать слизня, пусть колется, но не успел. Очередной явившийся на допрос журналист сообщил: он с так называемого братца, оказывается, глаз не спускал.

– Зачем? – не понял лейтенант.

– На всякий случай, – назидательно произнес журналист. – А то каркает, каркает, будто ворона...

– Вы *подозревали* его? – попытался зацепиться Кабанов.

– Да упаси боже! – открестился писака. – Просто странный он был какой-то. Вот я и подумал: вдруг еще больше чудить начнет, на сенсацию? А тут у меня и камера наготове. Не, я с него глаз не спускал.

Слова коллеги подтвердил другой журналист. Заявил уверенно: так называемый кузен постоянно находился в поле его зрения и ничего предосудительного не делал. Значитца, и он модельку не убивал...

Но кто тогда? Может быть, режиссер, некий Валентин

Красивый? Или другой член съемочной группы? Или кто-то из затесавшихся журналистов? А мотив?

Когда младший лейтенант Кабанов пригласил в фургончик Татьяну Садовникову, руководительницу всего этого бардака, настроение у него уже было ниже плинтуса. И тут же стало еще хуже: девица выглядела его ровесницей, но уже была начальницей и щеголяла в немалых бриллиантах. К тому же поглядывала свысока и отвечала с гонором.

– Расскажите, что вы видели в момент убийства? – приступил к допросу лейтенант.

– Сплошной дым, – коротко ответила деваха, и Кабанов едва не взвыл.

А она снисходительно добавила:

– Я ведь профессионал. И, едва команда «Мотор!» прозвучала, практически отключилась. Не замечала ничего вокруг. Сама будто в визир кинокамеры смотрела...

Она вздохнула и, секунду поколебавшись, добавила:

– Даже Валюшку из поля зрения выпустила.

– Валюшка – это кто? – заинтересовался Кабанов.

– Валентин Красивый, режиссер, – объяснила девица. – Мы с ним во время всех дублей рядом были. А вот когда пиротехники дымину пустили... Я только его голос слышала, а самого не видела. И в тот конкретно момент, когда раздался выстрел, за ним не наблюдала. Заметила его уже потом, *после* убийства. Он, понимаете ли... – Девица слегка смутилась.

– Ну! – поторопил Кабанов.

– Ну... рвало его. На виду у всех, – заложила Садовникова. – А с чего бы столь трепетная реакция? Человек он бывалый и взрослый, и Эвелинка для него – не любовь, не подруга, а обычное, как он сам говорил, *мясо для эфира*...

– И что это доказывает? – буркнул Кабанов.

– Не знаю, вы милиция, вам видней... – ухмыльнулась девица.

Смеется над ним, карьеристка хренова. Надо на нее рявкнуть. Если не для пользы дела, то хотя бы нервное напряжение сбросить.

И Кабанов злорадно проговорил:

– Слушай, ты... начальница! А ведь я тебя... по двести девяносто четвертой статье, части второй могу привлечь.

– За что?! – опешила Садовникова.

– А за воспрепятствование производству предварительного расследования, – с удовольствием произнес он. И рявкнул: – Ты почему место преступления не уберегла?!

* * *

Танин отчим Валерий Петрович Ходасевич умел вдохнуть жизнь в любое блюдо. Даже в простецкие котлеты. Казалось бы, невозможно придумать еду скучнее, но Таня умяла целых три штуки. Да вдобавок под волшебной мягкой, тающей во рту гречневую кашу. Семьсот килокалорий, как минимум! Зато до чего вкусно.

«Впрочем, я заслужила, – оправдала себя Татьяна. – Могу я хоть иногда делать не то, что надо, а то, что хочется?»

И когда тарелка с высококалорийным ужином опустела, ее охватила настоящая эйфория. Самое время рассказать отчиму о недавнем убийстве на съемках.

Тот слушал ее очень внимательно. Заинтересованно кивал. Сочувствовал. И лишь когда девушка начала жаловаться на «противоправные действия лейтенанта Кабанова» – не поддержал.

– Извини, Танюша, но он прав, – покачал головой полковник Ходасевич. – Если на съемках старшая ты, то твоя обязанность и место преступления в неприкосновенности сохранить.

– А как?! Попробуй не пусти такой табун... – возмутилась она. И хитро взглянула на отчима: – Только нет худа без добра. Когда лейтенант на меня наезжать начал... и обвинять чуть ли не в том, что я намеренно и своими руками улики уничтожила, меня и осенило. Я поняла, что журналистов, скорее всего, на съемку именно убийца и позвал.

– Чтоб было не пять свидетелей, а пятьдесят? – усмехнулся полковник.

– Ну да. А убийца – человек самонадеянный... – пожал плечами Татьяна. – Не сомневался, что всех проведет. Зато о случившемся на площадке уж точно, с гарантией, напишут!

– Странный мотив, – пожал плечами Ходасевич.

– Так ведь у нас в рекламе каждый второй ненормаль-

ный, – парировала она. – Короче говоря, я и стала вычислять, кто конкретно журналистов зазвал. Валюшка Красивый мне сказал, что Эвелинка. Только я решила, что вряд ли. Ее, во-первых, убили. А во-вторых – не та она фигура, чтоб по ее свистку чуть ни все центральные каналы сбежались. Здесь одной красотой не возьмешь – башлять нужно. Причем башлять серьезно.

Значит, вызвал журналюг человек богатый. И тщеславный. Ну и, конечно, имеющий отношение к нашему ролику. А кто у нас богатые – тщеславные – креативные? Только двое: режиссер да сценарист.

– Ищи, кому выгодно, – пробормотал полковник.

– Тогда, кому какая от убийства выгода, я не понимала, – отмахнулась Татьяна. – Итак, режиссера я в момент выстрела не видела. А сразу после он, извини, желудок прочищал, у всех на виду. До такой степени разволновался. Подозрительно...

– Но что это доказывает? – хмыкнул полковник.

– Да ничего, я разве спорю? – легко согласилась падчерица. – Тот лейтенант, кстати, то же самое сказал. Тем более что Валюшка, конечно, алкаш. Но не сволочь. А вот сценарист Стив – тот другого сорта. К тому же напрягать пиротехников, чтоб обязательно дым был, захотел именно он. И я, и Валюшка его отговаривали. Убеждали, что денег куча, а эффекта ноль. Но Стив уперся как баран. Кроме того, мы ведь с ним по поводу предыдущего эпизода, когда Эвелинкин про-

ход снимали, схлестнулись. Стив требовал, чтоб еще дубль сделали. С пеной у рта настаивал – но ровно до тех пор, пока журналисты ему не пригрозили. Мол, замерзли они. И разъедутся. Так что подавай им голую Эвелину в дыму. Немедленно. И Стив тут же пошел на попятный... Потому что побоялся, что его замысел сорваться может.

Таня выжидательно, рассчитывая на похвалу, взглянула на отчима. Однако тот молчал. Бесстрастно дымил своим вонючим «Опалом».

И тогда девушка выложила свой последний козырь.

– А главное... Главное, я вспомнила про какао Ван Гуттена.

Тут уж ей отчима поразить удалось.

– Про что? – поднял бровь полковник.

– Историю рекламы надо знать. Или хотя бы раннего Маяковского читать, – назидательно произнесла падчерица. И ехидненько так закончила: – Известный любому широко образованному человеку факт. В 1910 году преступник, приговоренный к казни, прокричал с эшафота: «Покупайте какао Ван Гуттена!» На следующий день эта фамилия попала во все газеты, и товар пошел нарасхват... Вот я и подумала: Стив – он, во-первых, только что университет окончил, причем по специальности «реклама». И ему сей факт наверняка прекрасно известен. А во-вторых, это его первый ролик, и он явно всеми фибрами своей американской душонки мечтал немедленно прославиться. Чтоб о нем заговорили как о ге-

ниальном сценаристе, а не просто как о племяннике богатого дяди. Но таланта-то, прославиться, не имелось, вот и решил *кровью* к себе внимание привлечь.

– Версия, безусловно, красивая, – сдержанно похвалил полковник.

– Да я и сама понимаю, что красивая. Только бездоказательная, – ворчливо откликнулась падчерица. И лукаво улыбнулась: – Но я ведь не мент, чтоб доказательства собирать! В общем, я лейтенанту свои соображения выложила... Он на меня, конечно, как на безумную посмотрел – но проверить не поленился. И с полпинка обнаружил у Стива пистолет. Того же калибра, как и тот, из которого Эвелину убили. Ну а дальше – все просто. Они там, в провинции, не церемонятся. Прижали америкашку – он и раскололся. Выложил как на духу: и про свою мечту в одночасье стать знаменитым, и как задумал совершить убийство на съемках своего первого ролика. Считал, между прочим, будто работает не только для себя. Полагал: духи «Spring Love» таким образом на весь мир прогремят. И только, конечно, благодаря ему. А дальше – на него заказы, будто из рога изобилия, посыплотся... И Стив, впрочем, угадал, – закончила Татьяна. – Потому что про духи «Spring Love» и правда безо всякой оплаты за рекламу во всех вечерних выпусках новостей сказали, и утренние газеты о них написали.

– И как, выросли продажи? – заинтересовался полковник.

– А вот и нет! – триумфально заявила Татьяна. – Пото-

му что одного упоминания нынче недостаточно, важен контекст. А контекст получился, извините, хреновый. Утонченный аромат – и рядом с ним убийство... Поэтому объем продаж у «Spring Love» ни на процент не вырос, я специально выясняла. Человечество, извините, развивается. И то, что в начале двадцатого века сработало, в двадцать первом не прокатило. Посему, – важно закончила она, – историю рекламы надо не только изучать, но и творчески переосмыслять.

– Умна ты, Танюшка, не по летам... – протянул полковник, и непонятно было, то ли хвалил ее, то ли иронизировал.

Садовникова не смутилась:

– Уж не знаю, по летам или нет, только новый сценарий «Spring Love» мне писать поручили. И уж моя реклама будет эффективней, можешь не сомневаться.

Ласковое солнце, нежный бриз

Вопрос на засыпку: кто никогда тебя не предаст? – Человек верный и преданный.

– Ответ неправильный.

– Тот, кто хорошо мотивирован.

– И снова в молоко.

– Тот, кому в случае предательства есть что терять.

– Разумно, но опять мимо цели.

– Так кто же?

– Тот, господа, кто *сам ничего не знает*.

* * *

Как же они все меня честили, включая Антона! Любимый сын обозвал «эскаписткой» и «дауншифтершей». Вот вырастила умника на свою голову! Я не поленилась, залезла в Интернет. И поняла: мой высокомудрый сынок, как всегда, бросается словами, не совсем понимая их смысл.

Потому что «эскапизм» происходит от английского *escape* – «бежать, спастись» и означает уход от действительности в *вымышленный* мир. Но я ни в какой *вымышленный* не собиралась. Я намыливалась в очень даже земной мир! На мой взгляд, гораздо более настоящий, чем прокопченная, над-

рывная Москва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.